

Глава 8. Типология и личностные корреляты дискурсивных стратегий межкультурного взаимодействия

Дискурс и межэтнические отношения – эта тема вызывает в настоящее время значительный интерес ученых самых разных специальностей – психологов, социологов, политологов, лингвистов (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Это связано с тем, что через дискурс такие отношения проявляются, формируются и распространяются. Более того, именно дискурс нередко провоцирует возникновение и эскалацию межэтнических конфликтов. В этой связи изучение дискурсивного «оформления» межэтнических отношений следует признать одной из приоритетных задач современного дискурсивного подхода.

Современные исследования межэтнического дискурса сконцентрированы на нескольких основных вопросах. Анализируются дискурсивные практики, посредством которых устанавливается и поддерживается расовое неравенство (Ван Дейк, 2008). Изучаются особенности влияния масс-медийного дискурса на этническое самосознание личности (Терентьева, 2000). Рассматриваются закономерности взаимосвязи этнической идентичности и поведения в межкультурных взаимодействиях (Татарко, 2004).

Несмотря на определенные достижения в изучении межэтнического дискурса многие темы еще слабо проработаны. Стараясь восполнить указанный пробел, мы обратимся к изучению того, как люди столкнувшись с дискриминацией и негативным отношением к их этносу, воспринимают дискурс и реагируют на него.

При этом в данной работе решалась двуединая задача. С одной стороны, на материале межкультурных контактов изучалась проблема детерминации дискурса. С другой стороны, исследовался феномен

межэтнического дискурса, имеющий выраженную прикладную значимость.

Известно, что люди по-разному реагируют на негативный дискурс в адрес их этнической группы. Как показали ранее проведенные исследования (выполненные в массе своей зарубежными специалистами) среди факторов, значимых в данном отношении, можно назвать следующие: уровень самоуважения, религиозная включенность, социальная поддержка, этническая идентичность.

Уверенные в себе люди чаще используют стратегии повышения собственной значимости при столкновении с угрозой их этнической группе (Schlenker et al., 1990). Позитивная этническая идентичность может давать человеку внутренние силы для сопротивления предрассудкам и дискриминации (Ruttenberg et al, 1996). Сильная культурная включенность взаимосвязана с низким уровнем воспринимаемой угрозы и высоким уровнем коллективного самоуважения (Ethier, Deaux, 1990).

На основании ранее проведенных исследований мы предположили, что наиболее адекватно будут реагировать на негативный дискурс в адрес их этнической группы те люди, которые обладают высоким самоуважением, имеют позитивную этническую идентичность и включены в деятельность национальных культурных организаций.

Проблема дискурсивного оформления межэтнических отношений изучалась нами на примере крымских татар – жителей АР Крым. Цели данного исследования были следующие:

- 1) исследовать распространенность в среде крымских татар представлений о дискриминации и негативном отношении к их этносу;
- 2) выделить дискурсивные стратегии межкультурного взаимодействия, присущие крымским татарам;
- 3) изучить социально-демографические и психологические корреляты дискурсивных стратегий межкультурного взаимодействия.

Исследование проводилось среди крымских татар – жителей г.Севастополя и его окрестностей (размер выборки составил 113 человек, 59 мужчин и 54 женщин в возрасте 18-60 лет). В процессе интервью у респондентов выяснялось: Чувствуют ли они в Крыму негативное отношение и дискриминацию по отношению к крымским татарам? Как они реагируют, когда негативное отношение и дискриминация касаются их лично? Что думают в таких случаях? Какие эмоции испытывают? Что делают? Какие акции крымских татар в ответ на дискриминацию они поддерживают?

При помощи семантического дифференциала респондентам было предложено описать типичного представителя основных этнических групп Крыма (крымского татарина, русского, украинца). Методика представляла собой десять пар противоположных по смыслу прилагательных, обозначающих личностные качества (активный-пассивный, трудолюбивый-ленивый, умный-глупый, сдержанный-вспыльчивый, дружелюбный-враждебный, честный-лживый, тактичный-бестактный, общительный-замкнутый, щедрый-скупой, веселый-грустный) (Peabody, Shmelyov, 1996).

Для изучения этнического самосознания крымских татар использовалась Шкала этнической идентичности. В ее основу была положен опросник, разработанный О.Л.Романовой (Белинская, Стефаненко, 2000). Вопросы, включенные в эту шкалу, характеризовали различные аспекты идентичности: позитивное отношение к своей этнической группе (примеры утверждений: «Я рад, что я крымский татарин», «Я горжусь своим народом и его достижениями»), чувство принадлежности к ней («Члены моей этнической группы имеют те же интересы и жизненные ценности, что и я», «Про меня можно сказать, что я типичный представитель крымскотатарского этноса»), следование обычаям и традициям своей этнической группы («Я придерживаюсь крымскотатарских обычаев и традиций»).

Уровень самоуважения респондентов измерялся при помощи Шкалы самоуважения Розенберга (Бороздина, 1992). Примеры утверждений данной шкалы: «Мне кажется, что я человек достойный уважения, по крайней мере, такой же, как все», «В целом я склонен считать себя неудачником», «Кажется, мне нечем особенно гордиться», «Я отношусь к себе положительно».

Проводилась также оценка религиозной и культурной включенности респондентов («Принимаете ли Вы участие в деятельности культурной организации крымских татар?», «Верите ли Вы в Бога?» «Вы регулярно молитесь?» «Вы регулярно посещаете мечеть?»).

Прежде чем приступить к обсуждению результатов, кратко обрисуем текущую социально-политическую и психологическую ситуацию, сложившуюся в Крыму в сфере межэтнических отношений. Обострение межэтнических отношений в Крыму связывается с процессом возвращения крымских татар на эту территорию. Крымские татары были выселены с территории Крымского полуострова в 1944 году на основании обвинения в массовом сотрудничестве с немецко-фашистскими захватчиками.

Либерализация советского режима при М.Горбачеве в 80-е годы и последующий распад СССР сделали возможным возвращение крымских татар на историческую родину. Количество крымских татар, проживающих в Крыму, существенно возросло за последнее десятилетие и достигло 250-270 тысяч человек (Михалев, 1999). Сейчас крымские татары составляют 12 % крымского населения, а в некоторых районах (Симферопольский, Белогорский) их доля достигает 15-18% и продолжает повышаться (Вяткин, 1997).

Процесс репатриации крымских татар протекал в сложном экономическом, социальном и психологическом контексте (Белицер, Бодрук, 1997). Поскольку эффективного механизма переселения разработано не было, то прибывшие в Крым крымские татары оказались

в тяжелом положении. Массовый переезд из обжитых мест породил массу проблем по их обустройству.

Неорганизованное возвращение крымских татар повлекло за собой стихийные самозахваты общественных земель, незаконное строительство, попытки насильно вернуть старые наименования населенных пунктов. Вышеуказанные факторы создают объективную основу для появления межэтнической напряженности и дискриминации по отношению к крымским татарам.

Наше исследование показало, что многие крымские татары являются объектом негативного отношения и дискриминации в современном Крыму. На вопрос «Чувствуете ли Вы в Крыму негативное отношение и дискриминацию по отношению к крымским татарам?» 95,7 % опрошенных ответили, что в той или иной мере чувствуют негативное отношение к ним. 62,7 % респондентов посчитали, что негативное отношение проявляется иногда, 26,5 % - что оно проявляется часто, 6,5 % - постоянно. Указанные данные свидетельствуют о том, что большинство крымских татар живут с ощущением этнической угрозы, исходящей от жителей Крыма других национальностей.

Полученные данные соответствуют результатам проведенных ранее исследований, фиксирующих наличие межэтнической напряженности в Крыму. К.В.Коростелина, изучая этнические предубеждения и отношения между славянским и крымскотатарским народами, обнаружила, что крымские татары ощущают напряженность, враждебность и негативное отношение к себе представителей славянского населения Крыма, проявляющиеся в ситуациях тесного социального контакта с незнакомыми людьми (транспорт, рынок) (Коростелина, 1997). Интересно, что проблемы, связанные с общепринятыми предубеждениями относительно конкуренции при найме на работу, злоупотреблении социальными благами и т.п., вообще не упоминались.

Возможно, это связано с тем, что люди просто не сталкивались с подобными ситуациями, либо сами события не являлись достаточно интересными, чтобы о них рассказывать. Таким образом, в среде крымских татар существует обобщенная установка к славянам, носящая характер дистанцирования и восприятия себя как обиженных, гонимых и отвергаемых. В тоже время важно отметить, что эта установка носит весьма локальный характер и не затрагивает сферу труда и распределение благ.

Т. Николаенко просила молодых людей разных национальностей (русских, украинцев и др.) ответить, с какими словами ассоциируется у них крымский татарин (Николаенко, 2000). Массив отмеченных респондентами ассоциаций позволил составить своеобразный обобщенный портрет крымских татар с точки зрения молодых представителей иных национальных групп Крыма. В основном нейтрально оценивая факты истории крымскотатарского народа и нынешний социальный и экономический статус, молодые люди часто отмечали наличие в характере крымских татар качеств, представляющих угрозу для сохранения межнациональной стабильности на полуострове. Именно в крымских татарах усматривался источник агрессии и возможного межнационального конфликта.

Данные других исследований также свидетельствуют о наличии у крымских татар ощущения этнической угрозы и проблем во взаимоотношениях с другими этносами Крыма. Так, ущемление по национальному признаку в той или иной форме испытывало в Крыму 67% крымских татар (Крымские татары..., 1997).

Вполне правомерно говорить о переживании крымскими татарами состояния этнического дискомфорта. Понятие «этнический дискомфорт» описывает одно из состояний национального сознания (Умеров, 2000). Оно обусловлено изменениями в условиях жизни этнической группы, которые вносят в ее существование элементы

кризиса. Наиболее тяжелые формы этнического дискомфорта возникают при наличии прямой угрозы существованию этнической группы или геноцида в отношении ее представителей. К менее кризисным, но достаточно ощутимым проявлениям дискомфорта, могут привести ущемление национального достоинства, появление преграды на пути развития языка и культуры, невозможность представителям этнической группы в полной мере реализовать свои гражданские права.

Мы постарались выяснить, как взаимосвязано наличие у респондентов ощущения этнического дискомфорта с социально-демографическими и психологическими переменными. Как показал корреляционный анализ, не было обнаружено значимых корреляций между субъективным уровнем этнического дискомфорта и такими переменными как пол, возраст, образование, семейное положение, самоуважение, этническая дискриминация, культурная включенность.

Таким образом, большинство изучаемых переменных не оказывало влияния на мнения респондентов относительно наличия в Крыму негативного отношения к крымским татарам и их дискриминации. Значимые корреляции уровня этнического дискомфорта были обнаружены только с такими переменными, как посещение мечети ($k=0.23$, $p<0.05$) и регулярное совершение молитв ($k=0.22$, $p<0.05$): чем сильнее у человека было выражено ощущение этнической угрозы, тем чаще он посещал мечеть и молился. Получалось, что чем выше религиозная включенность, тем чаще человек отмечал негативное отношение к крымским татарам со стороны окружающих. Данный результат, допускающий весьма противоречивые интерпретации, оказался для нас достаточно неожиданным.

Почему же сильная религиозная включенность оказалась взаимосвязана с чувством этнического дискомфорта? В качестве одного из вариантов объяснения можно предположить, что наличие у человека большого опыта вызывающих отрицательные эмоции контактов с

представителями других этнических групп способствует его высокой религиозности. Религия в данном случае помогает человеку справляться с этими отрицательными эмоциями и поддерживать позитивное психологическое самочувствие.

Однако допустимо и другое объяснение: высокая религиозность каким-то образом приводит к тому, что человек начинает испытывать выраженное ощущение этнического дискомфорта. Подобное ощущение может быть связано с наличием у некоторой части религиозных людей таких качеств, как требовательность к окружающим и чувство собственной исключительности. При наличии у человека указанных особенностей восприятие им поступков других людей, особенно представителей иных конфессий, может носить несколько искаженный характер. Он начинает видеть негативное отношение к себе и дискриминацию там, где большинство людей их бы не заметило. Дальнейший анализ собранных в нашем исследовании данных показал, что из двух вышеуказанных вариантов объяснения связи высокой религиозности и чувства этнического дискомфорта более верным оказывается первое: религия выполняла функцию поддержания позитивного самоощущения.

Как же крымские татары ведут себя, сталкиваясь с негативным отношением в адрес их этнической группы? Что чувствуют, о чем думают, как реагируют, оказавшись в подобных ситуациях? Какие дискурсивные стратегии реализуют крымские татары в межкультурных взаимодействиях? Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что крымские татары весьма остро переживают ситуации, в которых они становятся объектом нападков и дискриминации со стороны местных жителей. Практически каждый сообщил о том, что такого рода ситуации их задевают, вызывая такие эмоции как гнев, обиду, возмущение, презрение, досаду.

Анализ ответов респондентов, собранных в ходе проведения интервью, позволил выделить несколько типичных дискурсивных стратегий, используемых крымскими татарами в ситуациях этнического дискомфорта: избегающий, объясняющий, конфликтный. Помимо описания дискурсивных стратегий, мы постарались выявить их социально-демографические и психологические корреляты.

«Избегающая» стратегия дискурса присуща 27,5% респондентов (31 человек). Реализуя данную стратегию, люди старались не обращать внимания на нападки и критику, хотя переживали различные негативные эмоции (чаще всего упоминались обида, гнев, жалость, презрение). Они пытались в силу тех или иных причин сдерживать эмоции и никак не отвечать на выпады окружающих. У такого способа реагирования есть как плюсы, так и минусы. Позитивно то, что человек не провоцирует дальнейший конфликт, а, напротив, стремится сгладить напряженность. Можно сказать, что для него «худой мир лучше доброй ссоры». Однако при подобном стиле поведения может получиться так, что негативные эмоции, которые просто загоняются вглубь, прорвутся и выплеснутся в деструктивных формах.

Таблица 1

Социально-демографические и личностные корреляты дискурсивных стратегий

	Объясняющая	Избегающая	Конфликтная	Уровень значимости*
Возраст	44,33	36,38	31,82	$p < .05$
Образование	2,49	2,25	2,41	---
Самоуважение	6,23	6,35	5,64	---
Этническая ид-ность	46,53	46,35	42,11	$p < .05$
Этнич. дискомфорт	1,50	1,06	1,64	$p < .01$
Культурная включ-ть	0,62	0,58	0,52	---
Посещение мечети	0,50	0,51	0,47	---

Совершение молитв	0,48	0,45	0,35	---
-------------------	------	------	------	-----

* для оценки значимости межгрупповых различий использовался ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уолисса

Таблица 2

Межэтнические стереотипы респондентов, реализующих различные дискурсивные стратегии

		Объяс- няющая	Избе- гающая	Кон- фликтная	Уровень значимости*
К	Активный	2,52	2,41	2,70	---
р	Трудолюбивый	2,93	2,83	2,94	---
	Умный	2,46	2,22	2,41	p < .10
т	Сдержанный	2,26	2,35	2,11	---
а	Дружелюбный	2,70	2,58	2,70	---
т	Честный	2,47	2,12	2,35	p < .05
а	Тактичный	2,40	2,35	2,29	---
р	Общительный	2,73	2,80	2,70	---
ы	Щедрый	2,50	2,51	2,47	---
	Веселый	2,80	2,90	2,52	p < .10
Р	Активный	2,44	2,00	1,88	p < .01
у	Трудолюбивый	2,00	1,96	1,47	---
с	Умный	2,38	2,06	1,94	p < .05
с	Сдержанный	2,03	2,03	1,64	---
к	Дружелюбный	2,12	2,19	1,41	p < .05
и	Честный	2,09	1,90	1,11	p < .01
е	Тактичный	1,90	1,80	1,82	---
	Общительный	2,40	2,48	2,11	---
	Щедрый	2,03	2,06	1,41	p < .01
	Веселый	2,67	2,70	2,35	---
У	Активный	2,46	2,29	2,05	---
к	Трудолюбивый	2,63	2,70	2,11	p < .10
р	Умный	2,27	2,22	1,52	p < .05
а	Сдержанный	1,90	1,80	1,00	p < .01
и	Дружелюбный	2,10	2,29	1,58	---
н	Честный	2,07	1,83	1,47	---
ц	Тактичный	2,04	2,35	1,47	p < .01
ы	Общительный	2,58	2,80	2,11	p < .05

	Щедрый	2,24	2,51	1,70	$p < .10$
	Веселый	2,78	2,93	2,58	---

* для оценки значимости межгрупповых различий использовался ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уолисса

Крымские татары, которым была присуща избегающая стратегия дискурса в межкультурном взаимодействии, обладали специфическим набором социальных и психологических характеристик. Как правило, это были достаточно молодые люди (средний возраст 36 лет), с уровнем образования несколько ниже, чем в целом по выборке. Многие из них не имели семьи (семейных только 31%). Они демонстрировали уверенность в себе (у представителей этой стратегии отмечался наиболее высокий средний балл по шкале самоуважения среди всех трех стратегий), обладали позитивной этнической идентичностью. Уровень их религиозной включенности можно было оценить как средний. Участие в культурных организациях было несколько более редким по сравнению с данными по общей выборке.

Интересно отметить, что лица, реализующие избегающую стратегию межэтнического дискурса, по сравнению с представителями двух других стратегий значимо реже сталкивались с негативным отношением к крымским татарам и дискриминацией в их адрес. Авто-стереотипы респондентов с избегающей стратегией были весьма позитивны и примерно соответствовали общегрупповому уровню. Сходный характер с общегрупповыми данными имели и их гетеростереотипы: наиболее низко оценивались русские, украинцы занимали промежуточное положение между русскими и крымскими татарами. Таким образом, их избегающая стратегия межкультурного дискурса, по-видимому, была вызвана тем, что они довольно редко сталкивались с негативным отношением окружающих к крымским татарам и были достаточно уверены в себе, чтобы спокойно реагировать на подобное отношение.

Еще одной стратегией дискурсивного реагирования крымских татар на негативное отношение к ним являлась объясняющая. При такой стратегии человек не молчал, а стремился, высказывая собственную точку зрения, ответить тем, кто настроен критически. Беседа с собеседником проходила в спокойной, уважительной манере. В ходе реализации стратегии происходил обмен информацией и аргументами, без нападок на личность собеседника. Подобный вариант дискурса следует считать наиболее адекватным в ситуациях контакта с собеседниками, негативно настроенными по отношению к крымским татарам. Использование подобной стратегии дает основания для ведения плодотворной дискуссии и не провоцирует дальнейшего ухудшения межэтнических отношений.

Представители объясняющей стратегии составили более половины выборки нашего исследования (57,5% , т.е. 65 человек). Объясняющая стратегия дискурса была присуща хорошо образованным (наивысший уровень образования сравнительно с другими стратегиями) респондентам среднего и пожилого возраста (средний возраст этой группы 44 года). Представители этой стратегии, как правило, имели семью (семейных 63 %). Они были достаточно уверены в себе и обладали наиболее позитивной этнической идентичностью среди всех трех стратегий.

Обращала на себя внимание их высокая религиозная и культурная включенность: участвовали в деятельности крымскотатарских культурных организаций 66 %, посещали мечеть 47 %, регулярно молились 47 %. Наверное не случайно, что осязаемая часть респондентов из этой группы апеллировала к Богу («Бог их простит», «Бог все видит» и т.п.). Как мы видим, этническая идентичность представителей этой стратегии оказалась наиболее позитивной. Лица, реализующие эту стратегию, чаще других сталкивались с негативным отношением к крымским татарам.

Автостереотипы представителей объясняющей стратегии были высоко позитивными (примерно на таком же уровне, как у лиц с избегающей стратегией). Восприятие других этнических групп носило специфический характер. Хотя обнаруженная на материале всей выборки тенденция наиболее позитивного оценивания собственной этнической группы - крымских татар (и наименее позитивного – русских) присутствовала, однако выражена она была слабее. Для представителей объясняющей стратегии было характерно позитивное восприятие и собственной этнической группы, и других этнических групп. Возможно, именно данная особенность этнического самосознания позволяла им занимать конструктивную позицию в межэтнических дискуссиях.

Среди респондентов были и такие, кто, сталкиваясь с критикой или оскорблениями в адрес крымских татар, отвечали аналогичным образом. В ходе беседы с оппонентами они начинали критиковать другие этнические группы, совершать нападки на личность дискуссантов. Злость и ненависть – основные эмоции, которые переживали лица, демонстрирующие подобное поведение. Такая дискурсивная стратегия, получившая название конфликтной, была характерна для 15% участников нашего исследования (17 человек). Нельзя сказать, что подобное поведение способствует улучшению отношения местного населения к крымским татарам. Напротив, конфликтный стиль реагирования вызывает у противоположной стороны дополнительные негативные эмоции в адрес крымских татар.

«Носителями» конфликтной стратегии межкультурного дискурса были, как правило, молодежь и лица среднего возраста (средний возраст 32 года), со средним образованием и нередко одинокие (семейных только 40 %). С негативным отношением к крымским татарам они сталкивались реже, чем лица с объясняющей стратегией, но чаще, чем представители избегающей стратегии.

Весьма своеобразным был их психологический облик. Уровень их самоуважения и степень позитивности этнической идентичности оказались наиболее низкими сравнительно с другими стратегиями. Также невысокой была их культурная и религиозная включенность: только 40% лиц с конфликтной стратегией посещало мечеть, 40% участвовало в деятельности крымскотатарских культурных организаций, регулярно молилось - 20%.

Обращали на себя внимание особенности межэтнического восприятия лиц с конфликтной стратегией дискурса. «Конфликтные» респонденты по большинству шкал оценивали русских и украинцев существенно ниже, чем делали это респонденты, реализующие избегающую и объясняющую стратегии дискурса. К собственной этнической группе «конфликтные» также были более критичны, хотя в данном случае различия с «избегающими» и «объясняющими» оказались не столь велики, как в случае гетеростереотипов.

По-видимому, типичный представитель конфликтной стратегии межкультурного дискурса имеет общие черты с описанным Т. Стефаненко носителем маргинальной этнической идентичности, для которого характерна слабая, четко не выраженная этническая идентификация как со своей, так и с чужой этническими группами (Стефаненко, 1999). В этом случае человек колеблется между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы часто испытывают внутриличностные конфликты. Возможно, именно поэтому на поведенческом уровне они обнаруживают агрессивность и неприятие других этнических групп.

Так, жители Казахстана, плохо владеющие казахским языком и не включенные полностью в русскую культуру, оказались склонными к предубеждениям в отношении русских. Судя по ответам, они избегали близких форм социального контакта с русскими, очень осторожно

относились к тому, чтобы те были их родственниками и членами семьи. Демонстрируя достаточно негативные установки в отношении межэтнических контактов, маргиналы, по-видимому, пытались решить конфликт этнической идентичности (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997).

В нашем исследовании типичным представителем конфликтной стратегии межкультурного дискурса являлся относительно молодой, несколько неуверенный в себе человек, оценивающий другие этнические группы существенно ниже, чем свою собственную. Хотя степень позитивности его этнической идентичности была несколько ниже, чем у лиц с избегающей и объясняющей стратегиями дискурсивного поведения, однако она была не настолько низка, чтобы говорить о его выраженной маргинальности, оторванности от своей этнической группы. Поскольку этническая идентичность респондентов с конфликтной стратегией дискурса оказалась в целом позитивной, скорее следует говорить о наличии в их этническом самосознании некоторых кризисных особенностей, проявляющихся, в частности, в повышенной межэтнической враждебности.

Как показало наше исследование, люди, сталкиваясь с негативным отношением к собственной этнической группе, могут избирать различные варианты дискурсивного реагирования. Выявляются, по крайней мере, три стратегии, реализуемые в дискурсе при межкультурном взаимодействии: избегающая, объясняющая и конфликтная. Избегающая стратегия предполагает отказ от разговора, либо чисто формальный его характер. Объясняющая предусматривает противодействие точке зрения собеседника с использованием логики и фактов. Конфликтная - выражение негативных эмоций, отказ от спокойного и аргументированного обсуждения темы, критику и нападки на личность оппонента. Отметим, что дискурсивные стратегии различались не только феноменологически, но и тем, какие социальные

и психологические характеристики присущи реализующим эти стратегии лицам. Таким образом обнаружена личностная обусловленность дискурса, выявлены индивидуально-психологические основания дискурсивных стратегий. Полученные результаты имеют также важное прикладное значение, указывая на группы лиц, способных выступать потенциальными источниками возникновения межэтнической напряженности.

Литература

- Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М., 2000.
- Бороздина Л.В. Динамика самооценки в жизненном цикле человека. Харьков, 1992.
- Вяткин А.Р. Процессы миграции и проблемы адаптации // Крымские татары: проблемы репатриации. М., 1997.
- Градский Р. Угроза или о демографических плутнях и не только... // Журнал «Остров Крым», 2000, 1, 18-26.
- Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997, 4, 75-86.
- Ефимов С.А. Об особенностях массового сознания репатриантов из числа крымских татар и наиболее многочисленных этнических групп населения Крыма // Регион: проблемы и перспективы. Харьков, 1997, 2, 23-26.
- Коростелина К. В. Культурные детерминанты межэтнических отношений // Ученые записки ТНУ, 1999, Вып. 12, 82-90.
- Коростелина К. В. Особенности взаимодействия этнических групп (модели ситуаций) // Ученые записки СГУ, 1997, Вып. 11, 73-83.

Крымские татары: проблемы репатриации. М., 1997.

Михалев В. Проблемы возвращения крымских татар в Крым // День, 1999, 4.

Николаенко Т. Восприятие крымских татар молодыми крымчанами иных национальностей. Симферополь, 2001, Интернет-публикация.

Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России // Сб. статей под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко, М.: Изд-во РУДН, 2009.

Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия. М., 2004.

[Татарко А.Н.](#) Взаимосвязь стратегий межкультурного взаимодействия и социально-психологической адаптации мигрантов (на примере карачаевцев и балкарцев) // Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование. – М.: РУДН, 2008.

Умеров Э. Геометрия этнического дискомфорта. Симферополь, 1999.

Хриенко П.А., Котолупов О.А. Крым: прошлое и перспективы // Альманах "Москва-Крым", 1998, 2, 7-12.

Эмир Е. Контакт и изменения в межгрупповых взаимоотношениях // Иностранная психология, 1994, 2, 32-37.

Contact and conflict in intergroup encounters. Eds. By Newstone, M., Brown, R. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

Ethier, K., Deaux, K. Hispanics in Ivy: Assessing identity and perceived threat // Sex Roles, 1990, 22, 427-440.

Peabody, D., Shmelyov, G. Psychological characteristics of Russians // European Journal of Social Psychology, 1996, 26, 507-512.

Ruttenberg, J., Zea, M.C., Sigelman, C.K. Collective identity and intergroup prejudice among Jewish and Arab students in the United States // Journal of Social Psychology, 1996, 136, 209-220.

Schlenker, B., Weigold, M., Hallam, J. Self-serving attributions in social context: Effects of self-esteem and social pressure // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, 58, 855-863.